

между первым и вторым аспектом не так уж велики. Было бы неправильно игнорировать в литературоведении этот второй, „исторический“ аспект. Между литературным стереотипом в изображении человека и стихийно проникающими в письменное произведение фактами реальной жизни, рисующими совсем иные, жизненно реальные характеры людей, лежало множество градаций. Летописец или автор исторической повести нередко более или менее сознательно отклонялся от идеалов феодального класса, от трафаретных приемов характеристики людей — то отдавая дань своим личным вкусам (мы это видели выше, в характеристиках Василька Константиновича и Владимира Васильковича), то оказываясь под воздействием народного творчества, то поддаваясь тем изменениям в оценке деятельности князей, которые возникали в связи с изменениями в идейных представлениях под влиянием местных особенностей социального строя. Именно на этой грани официального и неофициального рождались все отступления от господствующего трафарета, возникало то качественно новое, что, постепенно накапливаясь, двигало литературное развитие по пути к реалистическому изображению действительности.

Чем прочнее стоял писатель XI—XIII веков на идеальных позициях феодального класса, тем прочнее входил в его произведение стереотип в изображении человека, тем консервативнее был он в своих идейных и художественных позициях. Но стоило писателю отступить от этих позиций, дав волю своим личным впечатлениям, неизменно отражающим какие-то особенности в его социальной позиции, проявить личное чувство к тому или иному изображаемому им лицу — и элементы (пусть незначительные) реалистического отношения к действительности проникали в его произведение.

Впрочем, индивидуальные интересы отражаются в литературных портретах лишь случайно. Идеал поведения порождался не индивидуальными вкусами, а социальным строем. Вот почему в различных областях Руси с различной расстановкой классовых и внутриклассовых сил мы видим некоторые различия в обрисовке идеала княжеского поведения. И эти различия ведут к расшатыванию стереотипа в изображении человеческой личности.

Характерно, например, что новгородские летописи слабо отразили образы князей. Это и понятно. Идеал существовал там, где он был необходим. В политическом же устройстве Новгорода князь занимал второстепенное место.

В новгородских летописях почти нет характеристик князей. Только об Александре Невском и Мстиславе Ростиславиче говорится с какой-то особенной значительностью, позволяющей думать, что новгородцы ценили их деятельность или что князья эти пришлись по сердцу новгородцам и летописцам. В сообщении Новгородской летописи о смерти Александра Невского есть и краткая оценка его деятельности: „Дай, господи милостивый, видети ему лице твое в будущий век, иже потрудися за Новгород и за всю Русьскую землю“.¹

Плач новгородцев по Мстиславе Ростиславиче рисует идеального князя, но идеального именно в понимании новгородцев, которое чувствуется только в оттенках, не приобрело еще законченного выражения, и понятно почему: идеал князя входил в летописи из действительности, сами же князья, княжившие в Новгороде, следовали своим, общерусским идеалам княжеского поведения, и только новгородцы

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего извода, под 1263 г., стр. 84.